

РАССУЖДЕНИЯ О ДУХОВНОСТИ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Исследована духовность в филологическом аспекте. Обнаружены существенные моменты духовности: бескорыстная убежденность, благодарность и ученичество. Предложено определение духовности в филологическом аспекте. Определено общее проблемное поле духовности – милосердие.

Ключевые слова: духовность, нигилизм, доверие.

Филология выясняет сущность духовной культуры человечества с помощью языкового анализа. Известно, что слово «филология» происходит от древнего греческого термина «φιλολογία», означающего «любовь к слову». Слово в совокупности внутренних аспектов и внешних связей выступает исходной реальностью общего филологического исследования. Филолог, сосредоточившись на слове, составляя к нему комментарий (что было одной из первых форм филологического труда), включает в свой кругозор все многообразие человеческого бытия, прежде всего бытия духовного. Филология, служа самопознанию культуры, зарождается в историческом единстве с философией как соответствие духовной целостности цивилизации. Формирование филологического знания показательны для высокого уровня развития общества. Филологическая наука оформляется как рефлексия над словом и речью в преодолении непосредственного отношения к языку и слову. Это преодоление создает письменность, рукописную и печатную книгу. О благородстве книжного дара сообщает Плутарх в жизнеописании Антония: «...он подарил египетской царице пергамские книгохранилища с двумястами тысяч свитков» [10, 58]. Духовность филологической науки проявляется в постановке вопроса о единстве мира в условиях многих языков и формировании конститутивных принципов филологического исследования. Нравственно-этическая основа филологического труда – традиция, запечатлевшаяся в языковом наследии, это – первый принцип. Словесное сочинение – источник высшей духовной ориентации, это – второй принцип. Служению словесным сочинениям следует отдать всю жизнь, это – третий принцип филологии. Филология – неотъемлемая компонента духовной культуры. Фило-

логическому знанию присуще методологическое обновление. Как сказал Бодуэн де Куртенэ, «все слова, принадлежащие собственно человеческому языку, отличаются способностью принимать все новые значения» [3, 260]. Духовность методов филологии несомненна. Нравственно-ценностная архитектура филологии ориентирована через слово на человеческую сущность. Истинность филологического знания определяется языковой личностью, способной преодолеть языковую стихию и создавать условия понимания. Филология опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам, поэтому многонациональные сказания разных народов мира имеют историческое значение для понимания духовности.

Великие творения человеческого духа выражены высоким слогом эпических произведений. Эпическим словом открывается духовная проблема. Эпос – это духовный поиск возможностей. Эпическое решение духовной проблемы обладает сложной организацией. В эпосе есть этический, гносеологический, психологический, онтологический, космологический, социальный уровень организации. Эпическое слово проникает в гущу исторического события. Важнейшие вопросы человеческой истории разбираются постепенно. Эпическое сказание начинается с духовных образов. Затем идет повествование о конкретных морально правильных жизненных поступках. После чего ставится духовная проблема. Духовная проблема вырастает в символической форме. Эпические символы духовной проблемы – символ поля и символ битвы. С этими символами связана реальность духовной деятельности. Неслучайно все эпические сказания произносятся с пафо-

сом. Эпос учит, что мир – неизменная основа человеческого бытия. Закон мира претворяется во множество установлений, обрядов, обычаев, правил и норм, зачастую противоречащих друг другу, однако несущих общий принцип бытия. На этическом уровне эпической организации понимание духовности доведено до слова «убежденность». Эпический герой убежден в своей правоте. Он проявляет исключительное состояние духа в бескорыстной убежденности, перед которой зло теряет силу. Бескорыстная убежденность эпического героя связана с символом поля. Она – нравственный акт отказа от плодов деятельности, от наград и почестей. Символ поля означает, что поступает правильно тот, кто бескорыстно отказывается от плодов деятельности. Слово побуждает к бескорыстию. С гносеологической точки зрения духовность видится в открытости истине мира. Психологически духовность есть приношение бескровной жертвы. Онтологически духовность выражена в благодарности человека миру. Со всех сторон эпос показывает духовную силу нравственных образов мира. Слово достигает поэтической высоты в создании нравственно-ценностного облика мира. Оно говорит, что надо обладать силой любви к миру. Духовное учение о любви к миру – космология эпического сказания. На социологическом уровне организации эпоса духовность – форма, оберегающая личность от закрепления в сетях общечеловеческого безумия, например жадности. Духовность – это форма, защищающая человеческое общество от ложных действий и неверных поступков. Эпические сказания наполнены темными духами и колдовскими чарами, в них – познание низших форм духовности. Эпическое слово учит мыслить возвышенно. Чем более возвышенно мы мыслим, тем лучше мы познаем себя и многообразие форм бытия. Устремляясь вперед и ввысь на поиски реальности, с помощью эпоса мы достигаем реальности, богатой и глубокой, отличной от нашего существования, что заметил индийский мыслитель Шанкара в ходе анализа древнего индийского эпоса [11]. Умение отличать реальность от преходящего существования – ведущая характеристика духовности. Духовная проблема эпического слова состоит в противопоставлении реальности

и существования. Эпическая духовность – это изображение реальности как сокровенной сущности всего мира. В эпосе духовная реальность появляется, когда меч вкладывается в ножны и заполняет их по частям, отличающимся от частей ножен. Существование духовной проблемы состоит в образе вычленения меча из ножен [11, 300]. Таким образом, эпическим словом меч и ножны противопоставлены. Появление меча из ножен – духовный опыт эпического слова.

Духовный опыт слова складывается различными способами. В христианской традиции бесценен духовный опыт исповедального слова. Исповедальное слово – эпохальное событие и личностный момент трагически переживаемого настоящего. Духовность исповеди – в устремленности к священному слову. О священных словах Августин говорит, что это «драгоценные сосуды» [1, 19]. «Собери меня в рассеянии и раздробленности своей», – с такими словами обращается Августин к Священному Писанию [1, 22]. «Мы теперь испытываем побуждение делать добро», – пишет Августин о значении Священного Писания для людей [1, 222]. Священное Слово вдохновляет личность. Библия отличается вдохновенным отношением к труду. Этика труда заключена в каноническом своде книг «Шисань цзин» («Тринадцатиканоние») Древнего Китая. Этике отношения человека и природы посвящена «Книга Перемен» («И Цзин»). Духовность обозначена переменами, идущими снизу, от Земли, вверх, к Небу. Духовная сущность связана с Небом и понятием о высоте. Скрытая от человеческого взора, она имеет отрицательную определенность «не» и значение небытия. Духовным началом мира выступает человек, читающий «Книгу Перемен». «И Цзин» – духовное оружие человека, оперяемое крыльями. Наименования, символы, афоризмы, комментарий и толкования – духовные крылья книги. Высокодуховная иероглифическая письменность. Поскольку слово «иероглиф» переводится буквально «священные письмена, высеченные на камне», то в иероглифическом письме перемены понимаются как главная человеческая проблема. При переменных искания неизбежны, они – важный момент духовности. Однако в исканиях и переменных сохраняется основа духов-

ности – человеческая щедрость. Человеческой щедрости учит Авеста. Священная книга Древнего Ирана была записана золотыми буквами на 120 тысячах рубленых бычьих кожах в Истархе (так о ней говорится в средневековом сказании «Арта-Вираф намак»). Священное слово Авесты щедро на мир и согласие между людьми. Самый древний гимн Авесты «Митр Яшт» воспевае духовную крепость человеческого слова. О духовно-нравственной силе слова говорят древние индийские Веды. Духовные моменты слова – пронизательность и радость. В пронизательности ведическое слово возводит скромность в ранг духовных качеств. Радость сопряжена с великодушием, состраданием, самообладанием. Духовность – рождение личности в пронизательном и полном радости слове. Произнесение такого слова выражает духовную реальность. Одухотворенная речь сообщает человеку внутреннюю силу, спокойствие, сострадательность и правдивость. Переходная ступень в понимании духовности – «Книга мертвых», потому что в ней ставится проблема жизни и смерти. Духовность представлена в категориях «хтоническое» – «космическое» образом благодарения. Недра земли и надземное пространство космического мира состоят в отношении благодарения. В «Книге мертвых» духовная форма благодарения бесконечно возвышается и порождает значительную по высоте духовную форму. Она впервые замечена в «Книге Екклесиаста», принятой в собрание священных писаний как отражение критического момента духовного развития библейского народа, когда этому народу следовало искать новый духовный смысл человеческого бытия. Книга Екклесиаста означает собой духовную вежу начала поиска нового смысла бытия и первую попытку духовного поиска. Попытка человеческого духа составляет смысл обновления духовной формы и называется «эссе». Эссе – это попытка высказаться о нетленности человеческого духа. В эссе создается изначальная духовная форма – терпение. Об этом текст «Первый человек» Альбера Камю. Возможности личности допускают абсурд и пустые слова, что разрушает духовную форму. Слово эссе – это слово терпеливого человека. Терпение включает в себе высокое этическое и нравственное требование быть преданным

попыткам духа. Эссе заставляет жить даже в бесконечном страдании и мучении, требует постоянных попыток удержаться от абсурда и иллюзий. В чем причина преданности человека духовным попыткам эссе? И.С. Тургенев заметил, что преданность слову имеет глубокие корни в счастье и честности, приведя в этой связи слова Люка де Клапье де Вовенарга, французского моралиста и писателя: «великие слова исходят из счастливого и честного сердца» [12, 297]. Коренные направления человеческого духа, называемые в русском языке словами «счастье» и «честность», открываются в афоризме. Тургенев говорит о чертах афористичной личности. В афористичной личности следует признать прежде всего высокое начало самопожертвования. Афоризм выражает собой веру в истину, находящуюся вне отдельного человека, но легко ему дающуюся благодаря дару афористического слова [12, 291]. Афористичная личность видится, с одной стороны, как энтузиаст слова, обвеянный его сиянием, с другой стороны, перед нами трагик жизни, сомневающийся во всем и не щадящий самого себя аналитик. В руках афористичной личности меч обоюдоострого анализа, с которым Дон Кихот положительно смешон, а Гамлет внешне привлекателен, «чему посмеешься, тому послужишь» [12, 293]. Искренность – главное в афоризме. Слова афоризма могут сами показать нам, «с призраками ли мы боролись, с действительными ли врагами, и каким духовным оружием покрыли мы наши головы, волшебным золотым шлемом или цирюльничьим оловянным тазом» [12, 295]. Нравственное свойство личности смотреть на себя и слово критически принадлежит филологии изначальное. Критика возводится на уровень духовного порядка, когда идет поиск принципов мира и поднимается вопрос о генезисе мира. Такой род поиска присущ древнему мифу. Миф отличается динамизмом языкового творчества и стихийно включает критический момент в языкотворческий процесс. Критический динамизм мифа проявляется в наблюдении предмета (предметом является мир и генезис мира в их слитности). Наблюдение предмета протекает в языковом миротворчестве. Наблюдение такого рода – духовное отношение. Наблюдаемый предмет мифическим образом сам превращается в на-

блюдателя и формирует критерий литературной критики: создание условий, чтобы предмет исследования смотрел на себя внутренне и внешне, сам рассказывал о себе. По этому критерию литературная критика – форма духовного труда, отличающаяся направленностью на самосознание. Желание нравственной силы самопознания составляет общую духовную ценность всех мифических сказаний народов мира, как бы ни отличались народные обычаи. Мифология критически обоснованно призывает человеческий род к единству, потому что проблема генезиса мира внутри самого мифа содержит требование духовного родства людей. В мифотворчестве порождается миротворчество. Это – свободное человеческое послушание миропорядку, в котором человек близок в решении вопроса об основаниях и условиях мира. Миропорядок и человеческое слово о мире духовно возвышаются.

Итак, духовность выражена в категориях «высшее» и «низшее». Она связана с критикой нигилизма. С критикой нигилизма выступил китайский средневековый мыслитель V века Фань Чжэн. В трактате «О смертности души» («Шень ми лунь») он обосновал ценностный характер отношения духа и тела. Отношение духа к телу подобно отношению «острого» к «лезвию ножа». Если не будет «лезвия ножа», то не будет и «острого». Это приводит к сравнению нигилизма с отсечением тела. Нигилизм остро ставит проблему духовной жизни и возрождения утраченных ценностей. Литературная критика отличается высокой нравственной культурой возрождения утраченных ценностей. С критикой литературных памятников древности связаны целые эпохи мировой культуры. Это – эпоха европейского Возрождения, эпоха расцвета национальных языков. Ренессанс создал образцы словесной духовности. Свободное творчество на родном языке порождает сочинения, отмеченные духовной высотой. Высокий дух присущ сочинениям средневекового китайского мудреца Ван Туна. Единственное сохранившееся сочинение Ван Туна – «Чжун цю» («Срединные изъяснения или изъяснения срединности») – было записано его сыновьями, Ван Фуцзю и Ван Фуги, под названием «Вэньчжун-цзы» («Учитель культурной срединности»), по посмертному имени авто-

ра. Своей работой сыновья Ван Туна показали, что духовность и сочинение – родственные понятия. Актуально обращение к самому слову «сочинение». Слово «сочинение» происходит от глагола сочинять (сочинить), имеющего приставку «со-» и корень «чин», который еще ранее происходит от праславянской формы. От нее произошло древнерусское слово «чинь». Оно означает «порядок, правило, степень, чин, должность, собрание». Слово «сочинение» имеет древнегреческий корень «τάξις». Родственным слову «сочинение» считается древнеиндийское слово «*cinōti, cāyati*». Оно означает «накладывает, располагает, собирает, составляет, строит». Родственные древнеиндийскому слову авестийские слова «*čayeiti, činvaiti*» означают «выскивает, выбирает». Сочинение конструктивно и нравственно. Поиск верного слова – это поиск общих оснований человеческого бытия и решение проблемы нигилизма. Проблема нигилизма ясно отражена в переводах античной римской эпиграммы «*traduttore, traditore*». Если перевести приведенную формулу неверно как «переводчик-предатель» или фразой «переводчик является предателем», то эпиграмма была бы лишена нравственной основы. Верный перевод создает основу духовного объединения людей. В неверном переводе обесцениваются основы человеческой цивилизации. Перевод – это проблема общего смысла бытия. Высота нравственных интенций, направленность на сущность говорят о его духовности. Духовно перевод характеризуется сущностной двусторонностью бытия. История перевода свидетельствует, что опыт переживания, воля, смерть как речь после слов выступают духовными моментами перевода, а освобождение человека от тревоги и лжи является духовной целью перевода. Воспитание силы воли и морального духа – духовная задача личности переводчика. Дело перевода осуществляется в контексте категорий долга и чести. Личность переводчика существует в многоплановом поле истины, процессе восполнения смысла бытия и смысла жизни. Духовной характеристикой перевода выступает триалог – согласование элементов родной культуры и иной культуры в личности переводчика. Вера в коммуникацию – ведущая тема перевода. Ду-

ховная сила перевода проявляется в чуткости и ответе души. Онтологическое определение перевода основано на понятиях «достоинство» и «счастье». В заметках переводчиков говорится о том, что воздействие духовных моментов перевода пробуждает нравственные и эстетические влечения к первоначальному юному и доверчивому отношению наших предков к иному и чужому, ко всему таинственному в окружающем мире. В переводе создается особенное понимание смерти как речи после слов. Речь после слов – это специфическая духовная реальность, то, что остается после смерти как перспектива смысла жизни. Духовная реальность смерти как речи после слов имеет смысловой предел в чуткости. Духовность – это и есть предел чуткости. Осмысление духовности как предела чуткости связано с зарождением романтического образа смерти. Романтический образ смерти, созданный переводом, обращает внимание на ценность жизненного мира. Смысл смерти как речи после слов состоит в том, чтобы сформировать понятие живого времени, облакаемого в различные грамматические формы, поэтому перевод всегда выступает как духовная проблема (о духовности вопроса «Что есть время?» свидетельствует «Исповедь» Блаженного Августина). Духовная проблема перевода разрешается в искреннем отношении к миру. Языки народов мира говорят о том, что в истоках любой культуры происходит внутреннее духовное преобразование наличного состояния в искреннее отношение к миру. Благодаря человеческой искренности язык способен к высшим задачам духовного развития человечества. Как сказал Конфуций в «Беседах и суждениях»: «В стрельбе из лука не мишень главное» [6, 56]. Конфуций был одним из первых ученых-мудрецов, кто обнаружил исток духовной сущности языка в человеческой искренности. Перевертывание порядка отношений «высшее – низшее» создает видимость смысловой насыщенности. Это – духовная проблема языка. Реальная сложность языковой проблемы требует нашей «открытости» общему проблемному полю, пишет в связи с задачами перевода Н.С. Автономова [2, 64–65]. Перевод открывает духовную высоту языка [13]. Он показывает конструктивность и жизненность высокой ду-

ховной формы, созданной в искреннем отношении на основе доверия. Это – форма жизненного мира, в ней осуществляется духовное объединение людей. Общей духовной проблемой является милосердие. Милосердием восстанавливается утраченное согласие мира. Мы видим милосердие в наполненности мира духовной силой сказки, потому что герои сказки и природа не умирают, а продолжают жить одухотворенной творческой силой сказки жизнью. Духовный смысл сказки неисчерпаем. Этика сказки – стремление к возвышенным и благородным формам бытия. Все сказочники мира, великие художники, рассказывали сказки, каждый по-своему «укладывая свою сказку в совершеннейший... узор слов» [5, 233]. «Сказка – это ответы на вопросы вступающей в мир детской души» [5, 241]. Определение сказки, данное И.А. Ильиным, увеличивает значение языка и ценность языковой системы, повышает степень ответственности слова. Отсюда понимание, что искусство словесного построения есть способ существования истины и действительности [9]. Духовность языка исследуема на конкретной природно-исторической почве и определенных культурно-национальных условиях. Актуальны в этой связи размышления академика Д.С. Лихачева о России, о русском языке и литературе.

Исторический контекст понятия духовности немислим без размышлений о Родине. «Размышления о России» Д.С. Лихачева имеют для нас первостепенное значение, потому что они основаны на анализе языка и литературы нашей Родины. Исследования Д.С. Лихачева служат научным материалом выявления важнейших положений о духовности. Духовность русской культуры – начало всех размышлений о России. Учитывая тысячелетний опыт русской истории, академик Лихачев пишет о духовной миссии России. Духовная миссия России определяется ее положением среди других народов. В составе России объединились до 300 народов, ее история сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами мира. Взгляд на Россию в масштабах ее истории дает обширную панораму. Россия необъятна. Поразительно разнообразие человеческой природы, культур, уровней бытия и существования, уровней во всех ду-

шах ее обитателей, от высочайшей духовности и святости до того, что в народе называют «паром вместо души». Идти тысячи верст до Киева – это частица русской духовности. «Язык до Киева доведет» – ее неотъемлемая часть. Размышления о духовности неотделимы от рассказов о своей судьбе. Духовно связывает людей русских общность судьбы. Она соединяет разные представления о жизни в общую идею духовной высоты – идею единства. Ощущение единства возникло давно в братстве славянских племен. Русские люди подавали духовный знак о себе высокими строениями церквей. Золотое пламя свечи и золотое пламя блистающих куполов – это символы идеи общей судьбы и русской духовности. «Свеча бы не угасла» – так писали в своих завещаниях московские князья, заботясь о целостности Русской земли, сохранении общности судьбы народов России. Объединяющим духовным началам противостоят широкие пространства Русской земли. Россия – это тысяча культур и языков на безмерном земном пространстве. Размышления о языке академика Лихачева имеют особенный смысл для понимания духовности. Язык, привезенный из Болгарии, питал русскую культуру целого тысячелетия. Д.С. Лихачев отмечает наличие двух языковых центров в России – первого, церковнославянского, связанного с Болгарией (на этом языке русские люди учились понимать мировые сюжеты живописи, поэзии, философской мысли), и второго – традиционно русского, народного языка былин, исторических песен, духовных стихов, организованного по-своему, особым самобытным способом, и высокого по стилю. Он видит в этих двух языковых центрах отгадку необъятного богатства и духовности языка русской литературы. Размышления о русском языке перекликаются с размышлениями о правдоискательстве. Правдоискательство выделяет Русь в мире народов. Литература – первая и основная форма поиска истины в России. О России говорится, что она всегда творчески располагалась мировыми культурными богатствами с щедростью свободной языковой личности. Основная мысль Владимира Святославовича «Речи философа» связана с указанием на эту духовную черту России. Русская культура – это творческая «работа с образца».

Языковое творчество на Руси свободолобово. Словесная культура никогда не была монолитной, и русский язык не развивался как единое целое. Русская культура в этом отношении наполнена сложнейшими духовными процессами. Совмещение в ней различных наследий и традиций, наречий, диалектов, говоров и языков отличается свободой. Неслучайно столько внимания уделяется проблеме внутренней свободы в русской философии языка. Д.С. Лихачев отмечает в этой связи, что интернационализм и понятие «духовность» имеют корреляцию с тем, что представляет собой Россия. Духовность значит восстановление полноты бытия. Размышление о духовности наполнено чувством большой любви к стране, создавшей язык для объединения многих народов Европы и Азии. Языковая культура России принадлежит многим народам Запада и Востока. Россия выросла во всем своем великолепии и духовном богатстве на основе объединения Востока и Запада. Достоевский Ф.М. подчеркивал в русском языке его все-человечность. Эту черту русского языка заметил Джайльс Флетчер в труде «О государстве Русском» и Джон Милтон в заметках о Московской Руси, подобными замечаниями отмечены воспоминания о России многих ее гостей. Языкознание определяет корень духовного развития России. Россия и Российская академия наук создали авторитетное в мире науки языкознание, имеющее тесную связь с востоковедением. Наука о языке в России – это Восток и Запад в их неизменном единстве. Размышления о русской литературе Д.С. Лихачева подчеркивают высоту духовного развития России. Русская литература возникла на высокой ноте, отмечает академик Лихачев. Первым литературным сочинением и произведением русского духа было компилятивное сочинение, посвященное мировой истории и размышлению о месте Руси в истории. Это – «Речь философа», впоследствии помещенная в первую русскую летопись. Через несколько десятилетий появилось второе историческое философское произведение высокого духа – «Слово о Законе и Благодати» первого митрополита из русских Илариона. Русская литература обосновала статус языкового творчества. Литература и язык народа – это нравственная сила,

преодолевающая обстоятельства, тяжелые и судьбоносные, в которых оказывается народ. К языковому нравственному началу мы всегда можем обращаться за духовной помощью, своеобразна в этом отношении ценность русского литературного слова. Русская литература носит открытый характер по отношению к другим литературам человечества. Русская литература – это философия духа. О ней Лихачев пишет, что это надежда, неисчерпаемый нравственный источник всех народов. Она дает силы для нравственного самоочищения. На основе литературы русская культура соединила многие народы. Нравственная сила литературы объединяет людей мира, именно в объединении людей состоит духовная миссия литературы. Литературным связям академик Лихачев придает особое значение и замечает, что духовное значение русской культуры для Европы традиционно определялось именно литературными связями с Россией. Говоря о духовном значении русской литературы для мира в целом, Лихачев выделяет четыре основных положения, которыми всегда оно определялось: нравственно-политическая позиция в национальном вопросе; нравственная позиция в мировоззренческих исканиях; неудовлетворенность настоящим и стремлением к идеалу; жгучие муки совести и поиски счастливого будущего, не терпящие самоуспокоенности. Русский литературный опыт остро и прямо, обращаясь к личности, ставит вопрос о духовности. Духовная особенность русской словесной культуры такова, что в России словесная культура вырастает как личностная культура. В личностном характере уникальность русской духовности. Духовная личность выполняет особую миссию культуры – сохраняет в родном языке и словесных формах все культуры человечества – существующие, ранее существовавшие и будущие. Духовной личностью был А.С. Пушкин. Его духовный опыт основан на понятии личности и на идее свободы. В лирике А.С. Пушкина личностное начало и стремление к свободному языковому творчеству выступают как две части проблемы духовности, остро поставленной А.С. Пушкиным в трагедии «Борис Годунов». В трагедии представлен главный признак русской духовной культуры – соборность как проявление общей склонности к

духовному формированию и реформированию. Размышления о языке и реформах неразрывно переплетены, что неслучайно, ибо реформирование, как поясняет Лихачев, – это смена всей знаковой системы и дальнейшее ее развитие. Духовные ценности развиваются в соприкосновении с другими культурами, вырастают на богатой многообразии компонентов почве, учитывая опыт иного. Публичность и нравственная требовательность – условие реформы. Понятия «реформа» и слово «духовность» близки по смыслу для академика Лихачева. Анализ словесной культуры и языка выявляет две характерные черты реформирования в России. Это – русская философская особенность духа и преемственность формы. Преемственность формы отмечена традиционным элементом русского народа – русской матрешкой. По принципу русской матрешки на первую начальную форму нанизывают одно за другим в очередном порядке многие формообразования разных типов и стилей. Новое формообразование и обновление формы (модернизация), исходящее из принципа матрешки, наглухо скрывает начальную форму. «Стыдливость» формы – духовное явление реформирования, имеющее значение для поступательного духовного развития. Оно ведет к простым формам, от простых форм к условности формы, от условных форм к освобождению от формы, от этого к чистой духовности. Реформирование – постоянный процесс обновления формы. Духовность реформирования на русской почве безусловна для академика Д.С. Лихачева. Русский язык, особенно разговорная живая речь, показывает какими способами и с помощью каких приемов осуществляется сначала отход от формы, затем освобождение от условностей, и каким образом вслед за этим реформирование порождает новую реальность – стиль. По Лихачеву, стиль – это духовная реальность. Духовности присущ стиль. В ходе литературоведческого анализа филолог обосновывает реализм русского реформирования и говорит о реализме русского стиля. Реализм дальше всех направлений культурного развития отступает от условных форм и порождает духовную реальность. Размышления о путях российского реформирования и о том, как они отражены в русской литературе и языке,

приводят к обобщению, что стиль – ведущий признак духовности. Главным носителем стиля является личность. Духовная традиция воплощается в стиле и передается лично, поэтому она отличается непрерывностью развития, постоянством ценностных отношений, верностью принципу духовности. Иначе говоря, она отличается личностным духовным качеством, определяемым непрерывностью течения жизни человека и конечностью его существования. В русской книжной культуре веками живет духовная традиция изображения святых, мучеников веры, подвижников, воинов-героев, властителей, высокопоставленных церковных служителей. Портреты, образы, святые лики духовно преображают страницы летописей, житий, рукописных и печатных книг. В русской духовной традиции есть «заданность образа», где господствует логика обаяния формы. Логика обаяния формы присуща духовной личности. Русская духовность – это прежде всего обаяние формы. Логика обаяния развивает личность, преодолевая материальное разнообразие. Логика обаяния формы создает благоприятное вдохновенное отношение к материальному миру. Вдохновенное отношение личности к миру – изначальная сущность духовной традиции. В русской словесной культуре сущность духовной традиции связана с двумя образами. Это образ Ярославны («Слово о полку Игореве») и образ Петра Великого (сказания о Петре Великом и его сочинение «Юности честное зерцало»). Образ Ярославны в «Слове о полку Игореве» прекрасен, значим и актуален для всех поколений России. Когда Ярославна обращается с мольбой в своем плаче к стихиям природы (свету, воздуху, воде), духовность русского языка реальна настолько, насколько в ответ на мольбу Ярославны Солнце предупреждает Игоря тьмою, этой же тьмою скрывает бегство Игоря из плена. Ветер смерчами идет от моря на станы половцев, а Днепр союзными ему реками помогает Игорю в бегстве на Русскую землю. Как видим, реальное сходство действий. Образ Петра Великого вошел в литературу и фольклор, в историографию мира и легенды. Символ царя-кормчего, царя-реформатора вобрал в себя образы царя-труженика, царя-ученого и учащегося, царя-преобразователя. Петр сам позаботился

о том, чтобы создать о себе именно такое представление. Он – активное начало в русской общественной духовной жизни. Роль личности и личностного начала в истории и традиции – стилистическая характеристика реализма духовности. Реализм духовности имеет две основные черты. Это – проявление личностью исторической восприимчивости в осмыслении ценностных изменений и формирование нравственного отношения личности к ценностям. Речь идет, вообще говоря, о духовной близости личности и бытия. Духовная близость личности и бытия ощутимо проявляется в языковой среде. Это – высказанный личностный взгляд, это – сказанное в лицо, в глаза, вслух или в письме, вплотную, а не в перспективе. Слово – это взгляд, идущий изнутри духовной формы, изнутри личности. Точка зрения личности на мир становится конкретной и индивидуальной, изнутри открытой именно в слове. Слово воспитывает в личности реалистическое отношение. Реализм вырабатывает взгляд личности на мир с творческой позиции. Реализм – сущность духовной личности. Реальность личностной духовности проявляется в заботе об обществе, родной стране, малой родине, о близких, родных и далеких. Именно на почве реализма утверждается личностное начало нравственности. Внимание к слову – это действенное нравственное начало русской культуры. Духовные формы русской словесной культуры (былины, летописи, сказания, святые жития) наполнены искренне-невольным, из глубины идущим чувством (когда «как бы проговаривается человек») и внутренней речью. Во внутренней речи с особой силой проявляется стремление личности к изучению духовных истоков. Реализм русской духовности – это диалог личности со всем народом в исторической перспективе, обращение к исторической правде с вечными вопросами бытия и жития, вместе с этим, это – обращение к совести народной, имеющей прямое отношение к памяти. Духовной формой памяти выступает слово. Словесная память полагается важнейшим свойством духовного бытия. Память – противостояние временности и смерти. В этом противостоянии нравственное значение памяти. Беспамятные люди бездуховны, то есть неблагодарны и безответственны. Благодар-

ность и ответственность вместе сливаются в слово «совесть». Совесть – это памятное отношение, отягощенное оценкой прошедшего и собственно совершенного, поэтому память – духовное качество. В рамках русской словесной культуры совесть суть духовность. Словесная память формирует совестливое отношение и нравственный климат, в котором жить народу. Реформируя русский язык, А.С. Пушкин сказал, что память светла, она – основа нашей общей совести. Хранить светлую память – наш долг. Словесная память необходима в духовном развитии. Духовное развитие отличается активным творческим личностным началом, высотой человеческих стремлений и реализмом нравственных целей. Личность А.С. Пушкина и Россия неразрывны в понимании духовности. Понимание духовности А.С. Пушкиным – тема всей его жизни. Главный урок творчества А.С. Пушкина заключается в том, что тема жизни требует серьезного отношения. В сочинениях А.С. Пушкина духовность русского языка несомненна. Говорят, что Пушкин – это явление русского духа, это – «философская сторона вопроса русской духовности» (Н.В. Гоголь). О русской духовности замечают по-разному: сравнивают ее с «волнующей рожью», «удалью». Определяется духовность в России совестливым отношением. Словом «совесть» Д.С. Лихачев скрепил свои размышления о России в единую мысль о том, что русская духовность – это совесть народов России, для которых русский язык стал языком общения. Проблема взаимодействия разных национальных литератур и включения переводных текстов, перевода в культурно-исторический контекст неоднократно ставилась в трудах Д.С. Лихачева. Им введено понятие «литературной трансплантации», когда не только отдельные произведения, но целые культурные пласты пересаживаются на родную почву и здесь начинают новый цикл развития в условиях новой исторической действительности. Над этим понятием много размышлял Ю.М. Лотман и сделал вывод, что явление литературной трансплантации порождает черты типологического параллелизма между эпохами, что не снимает, конечно, глубоких различий между ними. Выдающимся примером духовной сложности протекающих при этом про-

цессов является история библейских переводов. Библейский текст как неотъемлемая часть культурного пространства кочующего в поисках спасения и земли обетованной библейского народа стал для многих народов книгой подчас единственной, служа учебником жизни и наставляя тому, что такое любовь. Переводить текст, содержащий наставление о человеческой любви – духовная задача. Эта позиция Ю. Лотмана подчеркивает, что в переводе оформляется не только кодекс литературного произведения. Речь идет о духовном кодексе жизни. Сама идея литературной трансплантации подразумевает превращение текста в общечеловеческую ценность и определенную норму. История библейского перевода содержит труд «Перевод LXX-ти», греческий перевод священных книг Ветхого Завета, известный также под названием «LXX толковников». «Явление, по значению своему, беспримерное в истории не только самого же греческого языка с его словесностью, но и всех других языков с их литературами», – отмечает исследователь перевода профессор Московской духовной академии Иван Корсунский [6, 6]. Он пишет: «Будучи несамостоятельным литературным произведением, как перевод, а не сочинение, он сразу получил и доселе удерживает за собой столь великое значение и широкое употребление, какого не имел ни один памятник литературного гения греческой народности. Будучи, как памятник письменности, произведением словесности собственно греческой, перевод 70-ти имел значение, вышедшее далеко за пределы жизни языка и словесности народов, говоривших и писавших по-гречески, простер свое могучее влияние на литературу других народов Востока и Запада: коптскую, эфиопскую, готскую и иные, в том числе и нашу отечественную славяно-русскую... Через литературу того или другого народа перевод простер влияние и на жизнь народную, иначе сказать, имел всемирное и жизненное значение и влияние» [6, 6]. Древнейший перевод еврейских священных книг сделан семидесяти двумя просвещенными мужами еврейского народа за 72 дня, что произошло далеко за 200 лет до Рождества Христова. Обстоятельства библейского перевода (о них рассказывает Аристотель в письме брату Филократу) сложились

так, что в толковании священных текстов была открыта существенная сторона духовности – совет и установлена важнейшая характеристика духовности – согласие. В связи с проблемой духовности обращает на себя внимание родство слов «совет» и «совесть». Это словесное родство говорит о духовном характере взаимосвязи личности и общества. Ду-

ховностью выражается сущность формирования взаимосвязи личности, общества, народов, взаимосвязи человека и мира.

Итак, духовность в филологическом аспекте определяется как формирование нравственно-ценностного облика мира в конструктивном словесном поиске литературно правильного высказывания о мире.

26.07.2012

Список литературы:

1. Августин Аврелий Исповедь: Абельяр П. История моих бедствий. – Москва: Республика, 1992. – 335 с.
2. Автономова, Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с.
3. Бодуэн де Куртене, И.А. Человечество языка // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – Москва: АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 258–264.
4. Гаак, Т.П. Библия на уроках русского языка: пособие для ученика и учителя. – Оренбург: ГУ «РЦРО», 2011. – 32 с.
5. Ильин, И.А. Духовный смысл сказки // Одинокий художник. – Москва: Искусство, 1993. – С. 229–243.
6. Конфуций Беседы и суждения. – Москва: Мир книги, 2009. – 96 с.
7. Корсунский, И. Перевод ЛXX. Его значение в истории греческого языка и словесности. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Собственная типография, 1897. – 644 с.
8. Лихачев, Д.С. Об искусстве слова и филологии // Письма о добром и прекрасном. – Москва: Наука, 1988. – 228 с.
9. Мамардашвили, М.К. Литературная критика как акт чтения // Как я понимаю философию. – Москва: Прогресс, 1992. – 415 с. – С. 155–163.
10. Плутарх Сравнительные жизнеописания в двух томах. – Москва: Наука, 1994. – Т. 2. – 296 с.
11. Радхакришнан, С. Адвайта – веданта Шанкары // Индийская философия. Т. I и II. – Москва: Редакция по вопросам философии и психологии, 1952. – Т. II. – С. 224–333.
12. Тургенев, И.С. Гамлет и Дон Кихот // Собрание сочинений в шести томах. – Москва: Правда, 1968. – Т. 6. – С. 289–309.
13. Jakobson, R. On Linguistic Aspects Of Translation // Theories Of Translation. An Anthology Of Essay From Dryden to Derrida. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1992. – P. 131–151.

Сведения об авторах:

Гаак Татьяна Петровна, учитель русского языка и литературы и курса «Мировая художественная культура» гимназии №5 г. Оренбурга

460001, г. Оренбург, ул. Чкалова, 24/1, e-mail: olga-alenka@list.ru

Коннова Светлана Михайловна, кандидат философских наук, e-mail: smkonnova@mail.ru

UDC 008:81:82

Gaak T.P., Konnova S.M.

E-mail: olga-alenka@list.ru

REASONINGS ON DUKHOVNOST: PHILOLOGICAL ASPECT

Dukhovnost in philological aspect is investigated. The essential moments of dukhovnost – disinterested conviction, gratitude and an apprenticeship are found out. Dukhovnost definition in philological aspect is offered. The general problem field of dukhovnost – mercy is defined.

Key words: dukhovnost, nihilism.

Bibliography:

1. Avgustin Avrely A confession: Abelyr P. History of my disasters. – Moscow: Republic, 1992. – 335 p.
2. Avtonomova, N.S. Knowledge and transfer. Experiences of philosophy of language. – Moscow: the Russian political encyclopedia, 2008. – 704 p.
3. Boduen de Kurtene, I.A. Peopling of language // The Selected works on general linguistics: In 2 v. – Moscow: AS the USSR, 1963. – Т. 1. – P. 258–264.
4. Gaak, T.P. The Bible at Russian lessons: the grant for the pupil and the teacher. – Orenburg: GU «RCDE», 2011. – 32 p.
5. Ilyin, I.A. Spiritual sense of a fairy tale // The Lonely artist. – Moscow: Art, 1993. – P. 229–243.
6. Confucius The talks and the opinions. – Moscow: The Book World, 2009. – 96 p.
7. Korsunskiy, I. Translation LXX. His meaning in history of Greek language. – The Saint-Trinity Sergey Lavra, 1897. – 644 p.
8. Lihachev, D.S. About word and philology art // Letters about kind and fine. – Moscow: the Science, 1988. – 228 p.
9. Mamardashvili, M.K. The literary criticism as the reading certificate // As I understand philosophy. – Moscow: Progress, 1992. – P. 155–163.
10. Plutarh Comparative biographies in two volumes. – Moscow: The Science, 1994. – V. 2. – 296 p.
11. Radhakrishnan, S. Advaita – Vedanta Shankary // The Indian philosophy. V. I and II. – Moscow: Edition concerning philosophy and psychology, 1952. – V. II. – P. 224–333.
12. Turgenev, I.S. Hamlet and Quixote // Collected works in six volumes. – Moscow: Truth, 1968. – V. 6. – P. 289–309.
13. Jakobson, R. On Linguistic Aspects Of Translation // Theories Of Translation. An Anthology Of Essay From Dryden to Derrida. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1992. – P. 131–151.